

Г. Гефдинг

Философия религии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г11

Г11 **Г. Геффдинг**
Философия религии / Г. Геффдинг – М.: Книга по Требованию, 2020. – 405 с.

ISBN 978-5-458-62936-2

Геффдинг Гарольд (Харальд) (1843 - 1931) - датский философ-идеалист, историк философии. В 1883-1915 профессор Копенгагенского университета. Вниманию читателей предлагается книга, в которой проводится философское исследование религии. По мнению автора, религия есть одна из форм духовной жизни, и правильную оценку она может получить лишь тогда, когда рассматривается в связи с другими формами этой жизни.

ISBN 978-5-458-62936-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Уже самый фактъ превращенія религіи въ проблему можетъ вызвать осужденіе очень многихъ людей. Однако мышленіе, разъ оно пробудилось, должно имѣть право все подвергать своему изслѣдованію, и только само мышленіе можетъ поставить себѣ границы. Въ самомъ дѣлѣ, кто же кромѣ него можетъ взять на себя эту задачу? Человѣкъ, не замѣчающій проблемы, не имѣетъ конечно основанія размышлять надъ нею, но тѣмъ менѣе имѣетъ онъ основанія препятствовать другимъ мыслить въ данномъ направленіи. Кто боится утратить свое единственное духовное убѣжище, тотъ пусть остается въ сторонѣ. Никто не желаетъ похитить у бѣдняка его единственного агнца, — но и бѣднякъ не долженъ безъ нужды прогонять свое сокровище по столбовой дорогѣ, требуя, чтобы ради него останавливалось все движеніе. Впрочемъ въ данномъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ, не агнцы, а именно козлища — къ дѣлу и, особенно, не къ дѣлу — возвышаютъ рѣзкіе голоса, заявляя о своихъ огорченіяхъ. Обыкновенно не истинно нищіе духомъ, а закоренѣлые догматики поднимаютъ ужасный крикъ, когда свободное изслѣдованіе требуетъ права касаться религіозной области наравнѣ со всякой другой.

Съ изслѣдованіемъ, которое я имѣю въ виду здѣсь предпринять, я не обращаюсь ни къ робкимъ духомъ, ни къ счастливымъ обладателямъ неопровержимой истины. Послѣдніе имѣются во всѣхъ лагеряхъ; не мало ихъ и среди такъ называемыхъ „свободомыслящихъ“, — классъ людей, который, подобно червямъ линнеевской системы, можетъ быть охарактеризованъ лишь отрицательными признаками, — настолько разнообразныя формы онъ охватываетъ. Люди, мнящіе себя обладателями истины, имѣютъ извѣстное отрицательное или положительное рѣшеніе религіозной проблемы и потому утратили всякую способность къ дальнѣйшему размышленію въ этой области. Робкіе духомъ не смѣютъ размышлять о религіи. Изслѣдованіе наше обращается къ людямъ движенія, къ людямъ идущимъ впередъ: „человѣкъ, идущій впередъ, будетъ всегда благодаренъ“, куда бы онъ въ концѣ концовъ ни пришелъ.

Философія, какъ извѣстно, богаче идеями, точками зрѣнія и отдѣльными изслѣдованіями, нежели конечными результа-

тами,—и это могло бы привести въ отчаяніе философа, если бы его не поддерживала вѣра, что непрерывное исканіе истины уже само по себѣ принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ духовнымъ цѣнностямъ, утвержденіе которыхъ составляетъ задачу всякой истинной религіи. Если даже религіозно-философское изслѣдованіе и не приведетъ насъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ, то все же оно, быть можетъ, въ состояніи указать намъ причины возникновенія религіознаго спора, выяснитъ значеніе этого спора для развитія духовной жизни человѣка. И если религіозная проблема не разрѣшима, то мы узнаемъ, можетъ быть, почему она не разрѣшима.

2) Философія религіи отнюдь не должна исходить изъ какой-либо готовой философской системы. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ всякое мышленіе должно быть систематическимъ; слово „система“ буквально значитъ „то, что согласовано“ и, само собою понятно, ко всякимъ нашимъ мыслямъ предъявляется неумолимое требованіе, чтобы онѣ были „согласованы“ между собою. Внутренняя связь и внутренняя послѣдовательность служатъ конечнымъ признакомъ истины во всѣхъ областяхъ, и въ числѣ прочихъ область философіи религіи должна также удовлетворять этому критерию. Но работа философіи религіи окажется наиболѣе плодотворной въ томъ случаѣ, если религія и ея явленія не будутъ приводиться въ связь съ законченнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, но будутъ получать свое освѣщеніе отъ философскаго изслѣдованія, какъ разъ именно и ставящаго своею цѣлью выяснитъ, возможенъ ли въ данной области какой-либо законченный результатъ. Задача состоитъ въ томъ чтобы изслѣдовать соотношеніе между религіей и жизнью духа въ цѣломъ. Религія сама есть одинъ изъ видовъ или одна изъ формъ духовной жизни, и потому правильную оцѣнку она можетъ получить лишь тогда, когда разсматривается въ связи съ другими видами и формами этой жизни. Масштабъ, прилагаемый при этомъ къ религіи, не является чуждымъ ей. Есть однако служебная роль, отъ которой не освобождается никакая духовная сила, подъ какимъ бы высокимъ именемъ она ни выступала: всѣ духовныя силы должны служить къ углубленію и обогащенію развитія жизни духа. Въ задачу философіи рели-

ги входитъ поэтому прежде всего найти средство для выясненія, насколько религія при данныхъ условіяхъ нашей культуры способна къ выполненію указанной роли. Къ разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, къ наилучшему разслѣдованію этой проблемы философія религіи не можетъ приступить съ иными предпосылками, нежели тѣ, которыя всякая другая наука привноситъ въ обработку своего матерьяла. Очень часто, конечно, философія религіи вынуждена констатировать существованіе вопросовъ, на которые не можетъ быть дано отвѣта: соотношенія въ духовной области гораздо запутаннѣе и разнообразнѣе, чѣмъ думаютъ отрицательные и положительныя догматики. Но изслѣдованіе проблемъ все-же не лишается отъ этого своего значенія. Вполнѣ выясненная невозможность разрѣшенія (*docta ignorantia*) вопроса естественно заставляетъ изслѣдовать, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ необходимо какое-либо разрѣшеніе. Кромѣ того такая работа изоцряетъ проницательность въ опредѣленіи тѣхъ особыхъ условій, при которыхъ развивается наша духовная культура, условій, которымъ по всей вѣроятности не предстоить слишкомъ продолжительнаго существованія; вѣдь и въ настоящее время далеко не всѣ индивидуальности испытываютъ на себѣ ихъ влияніе въ одинаково сильной степени.

Религіозно-философское изслѣдованіе всего цѣлесообразнѣе построить такимъ образомъ, чтобы оно распалось на гносеологическую, психологическую и этическую части.

Въ классическое время религія удовлетворяла всѣ духовныя потребности человѣчества, въ томъ числѣ и стремленіе къ познанію. Въ этотъ періодъ люди въ религіозныхъ идеяхъ находятъ объясненіе бытія, какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ. Но какъ скоро развивается самостоятельная наука, на ряду съ религіознымъ выступаетъ на сцену иной видъ пониманія и объясненія явленій и возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ оба эти вида могутъ быть объединены между собою. Здѣсь теоретически мыслимы различныя комбинаціи. Возможно, что новый *научный* способъ объясненія явленій упразднитъ религіозный, поскольку дѣло касается частныхъ, но окажется несостоятельнымъ въ примѣненіи къ бытію, разсматриваемому какъ цѣлостность, въ примѣненіи къ

тому, что обыкновенно называют „первичными“ или „конечными“ вопросами. Въ этомъ случаѣ изслѣдованіе должно выяснитъ, въ какой степени религія разрѣшаетъ ту загадку, которую наука разрѣшить не въ состояніи. Выяснится, что религіозныя представленія ни по отношенію къ цѣлому, ни по отношенію къ отдѣльнымъ частностямъ не даютъ намъ того, что можно было бы съ нѣкоторымъ правомъ назвать „пониманіемъ“ или „объясненіемъ“,—и неизбежно явится новый вопросъ: въ чемъ же состоитъ значеніе религіозныхъ представленій, имѣютъ ли онѣ какое-либо значеніе, и если да, какое именно?

Послѣдній вопросъ приводитъ насъ отъ гносеологической философіи религіи съ психологической. Въ самомъ дѣлѣ, если религіозныя представленія не имѣютъ уже болѣе для насъ научно-познавательной цѣнности, то, очевидно, цѣнность ихъ, поскольку таковая вообще имѣется, можетъ заключаться лишь въ томъ, что они даютъ выраженіе какимъ-либо инымъ сторонамъ жизни духа кромѣ интеллектуальной. Намъ приходится такимъ образомъ начать съ попытки *описанія* религіозной жизни духа и въ особенности той связи, которая существуетъ между сложившимися представленіями съ одной стороны, религіознымъ опытомъ и религіознымъ чувствомъ—съ другой. Такой анализъ долженъ показать, что внутренняя сущность религіи состоитъ не въ пониманіи, а въ оцѣнкѣ бытія, что религіозныя представленія выражаютъ собою ту связь, которая соединяетъ фактическое бытіе, бытіе, какъ оно намъ дано непосредственно, съ тѣмъ, что сообщаетъ нашей жизни ея высшую цѣнность. Зерно религіи—согласно гипотезѣ, на которую насъ наталкиваетъ такая постановка вопроса—*есть вѣра въ сохраненіе цѣнности въ мірѣ*. Эта вѣра воплощена въ великихъ наглядныхъ образахъ народныхъ религій, особенно въ наиболѣе возвышенныхъ изъ нихъ. Но и въ душѣ людей, стоящихъ внѣ всякой народной религіи, можетъ теплиться подобная вѣра, хотя бы въ этомъ случаѣ она и не воплощалась ни въ какія конкретно опредѣленныя формы.

Переходъ отъ психологической философіи религіи къ этической мотивируется также вполне естественно. Неизбежно встаетъ вопросъ, какую этическую цѣнность имѣетъ самая вѣра въ сохраненіе цѣнности. Этическая философія религіи состав-

ляетъ параллель гносеологической. Въ классическое время религія прямо или косвенно опредѣляетъ оцѣнку всѣхъ поступковъ и всѣхъ жизненныхъ отношеній. Возникновеніе религіозной проблемы сопровождается здѣсь развитіемъ самостоятельной этики, прокладывающей собственный путь для оцѣнки человѣческихъ дѣйствій. И именно здѣсь проблема ставится въ наиболѣе рѣзкой, наиболѣе рѣшительной формѣ; конечный масштабъ для оцѣнки религіи должна дать этика, гдѣ находятъ свое завершеніе всѣ духовные расчеты и оцѣнки.

Въ предѣлахъ установленныхъ такимъ образомъ рамокъ найдется мѣсто для выясненія всѣхъ существенныхъ сторонъ религіозной проблемы. Проблема эта возбуждаетъ во мнѣ не только живой интеллектуальный интересъ своимъ огромнымъ всеохватывающимъ матерьяломъ, нѣтъ, я приступаю къ ней полный особаго психическаго настроенія, вызваннаго сознаніемъ, что здѣсь передо мною форма духовной жизни, въ которую человечество въ теченіе тысячелѣтій вкладывало наиболѣе глубокіе и наиболѣе интимные результаты своего опыта.

3) Прежде чѣмъ приступить къ отдѣльнымъ частямъ философіи религіи, полезно будетъ характеризовать нѣсколько ближе содержаніе религіозной проблемы вообще.

Въ протестантскомъ мірѣ почти всѣми признается, что знаніе и вѣра должны быть строго различаемы между собою. Католическая церковь не признаетъ этого различія во всей его полнотѣ и вслѣдствіе этого отрицаетъ существованіе религіозной проблемы въ интеллектуальной области. Она утверждаетъ, что бытіе Божіе можетъ быть доказано на пути, открытомъ Өомою Аквинскимъ и съ помощью Аристотеля, и самый тезисъ, что доказательства эти достаточны, объявляется даже догматомъ вѣры. Традиціи великой эпохи средневѣковья, когда „меньше сомнѣвались и потому были ближе къ истинѣ“ (употребляя выраженіе одной изъ новѣйшихъ біографій Өомы Аквинскаго) до сихъ поръ обрѣтаются въ большомъ почетѣ ¹⁾, до сихъ поръ—по крайней мѣрѣ официально—отказываются допустить, что въ духовной жизни современности имѣетъ мѣсто дѣйствительная дисгармонія. Строгое разграниченіе знанія и вѣры уже само по себѣ является признаніемъ, что такая дисгар-

монія существуетъ, что единство духовной жизни нарушено. Если признать, что дальнѣйшее существованіе обезпечено только за тѣми сторонами духовной жизни, которыя сохраняютъ свое гармоническое отношеніе къ другимъ элементамъ этой сферы, то не придется ли намъ разсматривать разграниченія вѣры и знанія лишь какъ этапъ на томъ пути, на которомъ развитіе мало по-малу совершенно вытѣснить религію изъ жизни духа?— На чемъ бы мы ни остановились, примемъ ли мы, что прошло лишь классическое время религіи, или что время религіи миновало вообще, мы во всякомъ случаѣ не можемъ устранить слѣдующаго вопроса: должна ли въ наступившемъ процессѣ разложенія безслѣдно погибнуть духовная цѣнность, или же мы можемъ указать что-либо являющееся на замѣну утраченному единству и стройности духовной жизни? Уже этотъ вопросъ показываетъ, что вопросъ о сохраненіи цѣнности составляетъ существенную сторону религіозной проблемы, къ какому бы рѣшенію послѣдней мы ни склонились. Съ этой точки зрѣнія религіозная проблема уже не мало трактовалась философией послѣднихъ полутора вѣка (со времени *Руссо*, *Лессинга* и *Канта*). Какъ романтики, такъ и позитивисты обращали серьезное вниманіе на эту сторону вопроса ²⁾.— Необходимо помнить, что если бы даже и было доказано, что при уничтоженіи религіи не происходитъ потери духовной энергіи, это не значило бы еще, что при новыхъ условіяхъ энергія находитъ себѣ столь же цѣнное примѣненіе, какъ въ классическія времена религіи. Въ духовной, какъ и въ матерьяльной области сохраненіе энергіи не совпадаетъ съ сохраненіемъ цѣнности. Энергія можетъ сохраняться, въ то время какъ цѣнность исчезаетъ; противоположный случай, правда, не мыслимъ, такъ какъ энергія уже сама по себѣ является условіемъ сохраненія и развитія цѣннаго. Свободомыслящіе люди часто исходятъ просто изъ того, что жизнь человѣческая стала бы сильнѣе и богаче содержаніемъ, если бы религія отпала,—взглядъ этотъ, конечно, далеко не представляетъ собою чего либо непосредственно очевиднаго и покоится на предпосылкѣ, что существуютъ психическіе эквиваленты, какъ въ области духовной цѣнности такъ и въ области духовной энергіи. Необходимо, слѣдовательно, доказать суще-

ствование этих эквивалентов и вмѣстѣ съ тѣмъ демонстрировать сохранение цѣнности. Но великій вопросъ и существенная сторона религиозной проблемы въ томъ и состоитъ, могутъ ли быть обнаружены подобные эквиваленты. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнiю, что и въ предѣлахъ самой католической церкви проблема о сохраненiи цѣнности рано или поздно должна возникнуть; религiя и религиозная жизнь претерпѣваютъ постоянныя измѣненiя, неизбежно такимъ образомъ поднимается вопросъ, остались ли незатронутыми этими перемѣнами тѣ цѣнности, которыя завѣщаны намъ классическимъ временемъ религiи, сохраняется ли, на примѣръ, въ рамкахъ современнаго христіанства христіанство первоначальное, т. е. та духовная цѣнность и та духовная энергiя, которыми это послѣднее обладало. Наиболѣе рѣзкую постановку эта проблема получаетъ въ утвержденiи: „новозавѣтное христіанство фактически болѣе не существуетъ“.

Религиозная проблема касается однако не только сохраненiя цѣнности въ человѣческомъ мірѣ. Она ставитъ не только *психологическій*, но и *космологическій* вопросъ, а именно вопросъ о соотношенiи между всей совокупностью бытія и тѣмъ, что человѣку представляется высшею цѣнностью. Связаны ли какимъ-нибудь образомъ цѣнности съ законами и силами бытія? Быть можетъ даже эти законы и силы сами опредѣляются въ конечномъ счетѣ высшею цѣнностью? Или же, наоборотъ, понятiе цѣнности не имѣетъ никакого объективнаго значенiя за предѣлами человѣческой жизни?

Гипотеза, обосновать которую мы попытаемся впослѣдствiи (въ „психологической философіи религiи“), состоитъ въ томъ, что принципъ сохраненiя цѣнности есть *специфически религиозная аксіома*, получающая свое выраженiе во всѣхъ религiяхъ, но лишь въ различной формѣ и съ различныхъ религиозныхъ точекъ зрѣнiя. Религиозная проблема касается, слѣдовательно, вопроса, въ какой мѣрѣ оправдывается допущенiе, что аксіома эта дѣйствительно общеобязательна. И вмѣстѣ съ тѣмъ эта аксіома—поскольку она выражаетъ основную мысль всякой религiи—можетъ быть употреблена какъ масштабъ для оцѣнки послѣдовательности и общаго значенiя отдѣльныхъ

религій и отдѣльныхъ религіозныхъ точекъ зрѣнія. Въ заключеніе отношеніе между этикой и религіей — какъ уже было упомянуто — получить при помощи этой аксіомы чрезвычайно простое выраженіе: въ какомъ отношеніи вѣра въ сохраненіе цѣнности стоитъ къ дѣлу отысканія, созданія и поддержанія цѣннаго?

Если бы мы задались цѣлью изслѣдовать принципъ сохраненія цѣнности во всей его полнотѣ, изслѣдованіе наше никогда не пришло бы къ концу, и кормѣ того у насъ скоро обнаружился бы недостатокъ ясныхъ исходныхъ точекъ анализа, необходимыхъ для успѣшнаго завершенія такой работы. Поэтому я немедленно же укажу границы, въ которыхъ будетъ вращаться мой анализъ, и которыя необходимо имѣть въ виду, читая все послѣдующее. — Какъ уже сказано, я пытаюсь доказать, что основной мыслью всякой религіи является принципъ сохраненія цѣнности. Если при этомъ обнаружится, что ни одна религія не выражаетъ этого принципа съ полной ясностью и послѣдовательностью, то это еще не будетъ свидѣтельствовать о неудачѣ моей попытки. Для моей цѣли достаточно обнаружить ясно выраженную потребность или ясно выраженную тенденцію держаться указанной основной мысли, такъ что масштабомъ для оцѣнки религій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ будетъ та степень, въ которой онѣ приближаются къ наиболѣе полному выраженію и осуществленію формулированнаго нами принципа. — Когда говорится о *сохраненіи* цѣнности, то это можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что цѣнность не исчезаетъ совершенно, что бытіе всегда имѣетъ цѣнность, хотя послѣдняя можетъ увеличиваться и уменьшаться или періодически измѣнять свою величину. Но я придаю выраженію „сохраненіе цѣнности“ смыслъ, аналогичный тому, который вкладывается въ выраженіе „сохраненіе энергіи“. Для меня законъ этотъ постулируетъ непрерывное сохраненіе цѣнности во всѣхъ превращеніяхъ конкретныхъ формъ. Быть можетъ будетъ необходимо въ виду этого установить различіе между потенциальной и актуальной цѣнностью, подобно тому какъ различаютъ потенциальную и актуальную энергію, и наше первое различеніе столь же отчетливо и по существу своему

законно, какъ и второе.—Сохраненіе цѣнности во всѣхъ превращеніяхъ формъ и несмотря на разницу между возможностью и дѣйствительностью является все же лишь минимумомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что простого *сохраненія* цѣнности еще не достаточно и что въ сущности понятіе это заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ цѣнность сохраняется лишь путемъ наростанія; простое повтореніе мало-по-малу стираетъ цѣнность повторяемаго, въ то время какъ съ другой стороны всякое измѣненіе цѣнно лишь постольку, поскольку оно увеличиваетъ уже имѣющуюся цѣнность. Что непрерывное возрастаніе цѣнности не противорѣчитъ сохраненію энергіи, не требуетъ ближайшаго доказательства: возрастаніе цѣнности, вообще говоря, предполагаетъ лишь новое и болѣе совершенное примѣненіе энергіи, а отнюдь не возрастаніе ея. Ради большей ясности я ограничиваю свое изслѣдованіе простымъ сохраненіемъ цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что и религіозное сознаніе не выходитъ, строго говоря, за предѣлы этихъ рамокъ. Сохраненіе цѣнности доставитъ намъ немало трудностей и задачъ, даже въ томъ случаѣ, если мы не будемъ изслѣдовать всѣхъ послѣдствій, неизбежно вытекающихъ изъ того факта, что цѣнность можетъ сохраняться лишь возрастая. Но мы не должны, конечно, забывать, что такой рядъ послѣдствій имѣется.—Наконецъ, разъ мы изслѣдуемъ законъ сохраненія цѣнности, то, быть можетъ, намъ необходимо предудумать еще одинъ вопросъ: о какой именно цѣнности въ качественномъ и количественномъ отношеніи идетъ здѣсь рѣчь? Такая проблема будетъ занимать меня лишь постольку, поскольку различіе между отдѣльными религіями и отдѣльными религіозными точками зрѣнія въ существенныхъ чертахъ покоится на тѣхъ различныхъ отвѣтахъ, которые онѣ даютъ на поставленный здѣсь вопросъ. Само собою понятно, что принципъ сохраненія цѣнности можетъ быть принятъ, каковы бы ни были эти отвѣты. Гипотеза, что сохраненіе цѣнности составляетъ основу всякой религіи, ни мало не колеблется тѣмъ фактомъ, что различныя религіи и различныя религіозныя точки зрѣнія сильно отступаютъ другъ отъ друга въ опредѣленіи содержанія и объема той цѣнности, въ сохраненіе которой онѣ вѣруютъ.

Цѣнностью мы называемъ способность вещи или непосредственно удовлетворять какую-либо потребность или доставить *средство* такого удовлетворенія. Цѣнность можетъ быть, такимъ образомъ, непосредственною или посредственною. Непосредственную цѣнность мы стараемся удержать, если она дана, и создать если она не дана. Мы ставимъ ее такимъ образомъ своею цѣлью. И обратно, тотъ фактъ, что мы ставимъ что-либо нашею цѣлью, предполагаетъ, что мы знаемъ изъ опыта или гипотетически приписываемъ объекту нашихъ стремленій известную непосредственную цѣнность. Посредственную цѣнность имѣеть то, что служить къ достиженію цѣли, т. е. непосредственной цѣнности. Нѣтъ надобности, чтобы посредственная цѣнность была непременно потенциальной непосредственной цѣнностью. Средство, служащее для достиженія чего-либо, имѣющаго непосредственную цѣнность, само приобретаетъ въ нашихъ глазахъ цѣнность, хотя бы эта послѣдняя была только производной. Между посредственной и непосредственной цѣнностью имѣють мѣсто всѣ возможные переходы, при чемъ благодаря передвиженію мотивовъ первая зачастую переходитъ въ другую, такъ что въ известный моментъ приобретаетъ цѣнность, какъ цѣль, то, что раньше мы цѣнили только какъ средство. Потенциальная цѣнность съ другой стороны означаетъ часто лишь возможность, что данная вещь приобрететъ цѣнность какъ средство, т. е. возможность посредственной цѣнности. — Какія цѣнности съ различныхъ точекъ зрѣнія воспринимаются, а потому и признаются, какъ таковыя, — это зависитъ отъ различнаго характера этихъ точекъ зрѣнія. Природа каждаго существа опредѣляетъ его потребности, а потребности опредѣляютъ, что для него цѣнно. Религіозная аксіома показываетъ такимъ образомъ, что характеръ каждой религіи неизбѣжно долженъ опредѣляться природою и потребностью поклоняющихся ей людей. Нѣтъ возможности вѣрить въ сохраненіе такой цѣнности, которая хотя бы сколько-нибудь не была известна намъ изъ собственнаго опыта.

Философіи *Канта* обязаны мы самостоятельной постановкой проблемы цѣнности на ряду съ проблемой познанія. Онъ научилъ насъ отличать оцѣнку отъ объясненія³⁾. Различіе